

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
ПЗ4

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

Krzysztof Piskorski
Cienioryt

Печатается с разрешения литературного агентства
Wydawnicza Jerzy Mostowski

Перевод с польского: *Сергей Легеза*
Дизайн обложки *В. А. Воронина*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

© Copyright by Krzysztof Piskorski; Copyright
by Wydawnictwo Literackie, Krakow, 2013
© Сергей Легеза, перевод, 2016
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

В годы, когда Серива еще властвовала над большей частью известного мира, когда по ее улицам катили изукрашенные золотом кареты, а на троне восседал король, повелевавший звать себя Дитем Света, когда люди глядели на тенепространство со страхом, а Ребро Севера все еще стояло, жил в городе некий фехтовальщик из малоизвестного рода.

Кавалер этот относился к будущему своему столь же легкомысленно, как и к чувствам, которыми нередко одаривали его дамы. Часто погружался он в простые действия, часами мог исследовать фактуру разохшейся оконной рамы, наблюдать за полетом голубей над крышами Серивы или от заката до рассвета совершенствоваться в искусстве поединка. А поскольку именно последнее любил он больше прочего, то в зрелом возрасте тридцати двух лет, когда начинается наша история, сделался он одной из лучших шпаг Юга, подкрепляя природный талант и годы тренировок опытом двух войн, каждая из которых заставляла глаза его становиться все холоднее и все отрешеннее. Не осознавая собственного значения, не предвидя клейма, которое

пришлось ему в дальнейшем оттиснуть на судьбах страны, дрейфовал он от авантюры к аванюре, от схватки к схватке — а острая рапира спасала ему жизнь так же часто, как острый взгляд и быстрый ум.

Звали кавалера Арахон Каранза Мартинез И'Грената И'Барратора, и был он мастером фехтовальной школы, известной как *la destreza*. Это — его история. А скорее, одна из историй, поскольку их столько, сколько перьев в хвостах павлинов из садов Базилики Светосхождения — и каждая переливается иным оттенком. Знайте, что это не та версия, которую позже люди вполголоса повторяли в темных портовых тавернах Серивы, осматриваясь внимательно, не сидит ли рядом шпион инквизиции. И не та, переложенная после на вирши плохонькими поэтами, а печатниками выпущенная в томиках, оправленных в козы шкуры, на радость дворцовым дамам.

Этот рассказ совершенно иной, поскольку написан он кое-кем, кто был с кавалером И'Барратора большую часть памятного 634 года. Вы бы наверняка хотели, чтобы я сейчас же представился и объяснил, отчего думаю, будто моя версия — правдивей и лучше прочих. Но, уж простите, этого я сделать не могу — не только из скромности, но и потому, что мое имя и все, что вы могли обо мне слышать, окрасит фальшивыми тонами содержание следующих страниц, как высокие витражи базилики окрашивают главную площадь Серивы, когда священники зажигают свечи во время полночной службы.

Если вам известны уже некоторые из рассказов об И'Барраторе, отставьте их к легендам и фантазиям, туда, где и место историйкам вроде «Фехтовальщика тени», авторства этого сукиного сына и графомана Эрнесто Батисты.

Правду вы узнаете лишь здесь.

* * *

Год 634-й преисполнен был дурными знаменами. Угол наклона эклиптики Солнца, со страхом отслеживаемый королевскими астрономами, уменьшился на три градуса. Серивские хроники никогда ранее не отмечали подобного явления, и лишь старые, распадающиеся свитки ибров сообщали, что нечто подобное уже случалось в минувшие века. Относительно деталей то и дело возникали споры, а благообразные доктора драли друг друга за бороды и матерились во время бесконечных диспутов, словно сапожники.

После непривычно холодной весны пришла жаркая пора, что вошла в историю как Лето Длинных Теней. Во многих цивилизованных городах, от Серивы до Ралетто, все ухищрения архитекторов — вроде высоких башен в конце улицы или развешенных над перекрестками полотен, благодаря которым люди могли не опасаться, что они войдут, вывернув из-за угла, в чью-то тень, — оказались тщетны. Теперь в любую пору дня всякий отбрасывал тени длиннее, чем обычно, а места, некогда безопасные, стали представлять угрозу.

Словно и этого было мало, на Юге, за морем, в городах-государствах темнокожих ибров начался бунт; низкое солнце превратилось в головешку, брошенную в улей. С престолов пали древние династии. Спасти их не смогли ни шеренги увековеченных в песчанике коронованных предков, ни дворцы с воротами из бронзы. Новые государствишки рвали друг другу глотки, а в саваннах Юга, там, где на картах простирались лишь белые пятна да рисунки слонов и прочих мифических существ, поднималась новая сила. Согласно последним известиям, Эбеновая Госпожа, черная пророчица, владеющая Ребром Юга, о коей говорили, что она никогда

не была человеком, что вышла она напрямиком из тенепространства и что в царстве ее тени правят людьми, — она подчиняла себе все новые и новые народы.

В Сериве еще никто не знал, правда это или очередная сказка. Серива была торговым городом с двумя крупными портами. Кроме серебра, пряностей и шелка на кораблях сюда приплывали болезни со всего мира — и слухи, не менее оных болезней заразные. Правду здесь непросто было отделить от фантазий татуированных моряков, поскольку правду в Сериве никогда особо не ценили; люди города любили странные истории и цветистые рассказы.

В свою очередь на Севере, в вечно ссорящихся государствах Влаанмарка, недавно завершилась война, что вот уже двадцать лет, подобно железному катку, катилась от границ Серивы до мокрых, холодных полей Хольбранвии, опустошая плодородные и зеленые земли. В конце концов в селах там остались лишь женщины и старики, а от городов уцелели лишь пепелища.

Войну завершил мир, который с одинаковой неприязнью восприняли все пять воюющих сторон. Умные люди понимали, что война лишь поутихла, ослабев, словно пациент, которому цирюльник выпустил слишком много крови. Но хватит нескольких урожайных лет, чтобы парни подросли достаточно, заменив погибших отцов, — и битвы начнутся снова.

Посреди всего этого, между угрозой с Юга и шатким миром на Севере, лежало королевство Серивы — корабль без руля, — управляемое молодым, неопытным королем, игрушкой в руках шести грандов. Роды их соревновались за влияние стилетами, ядом и предательствами. А в этом вареве Светлый Капитул эклезарха Андреоса с каждым днем наращивал все большую власть, умело внедряя своих шпионов меж всеми

заинтересованными сторонами. Спровоцированные им погромы тенемастеров и ибров привели к тому, что тенепространство Серивы дичало и становилось куда опаснее, чем ранее.

Год 634-й преисполнен был неуверенности. Даже самые светлые головы не в силах были предвидеть, что случится хотя бы через месяц. Для кавалера И'Барраторы — и для меня — непросто было бы найти лучшие времена.

Однако прежде чем мы приступим к повествованию о тех днях, мне предстоит еще одно непростое решение. История всегда хороша тем, что раскрывать ее можно не только с одной точки зрения. Это словно лабиринт из цветного стекла, где всякий видит что-то свое. Например, пиши я про историю реконкисты и кровавую осаду Серивы, я мог бы влезть тогда в сапоги убогого анатозийского паренька, дом которого развалился под обстрелом требушетов, — хотя, конечно, это было бы художественным преувеличением, поскольку бедные анатозийцы не имели привычки носить обувь. Мог бы я описать осаду и с точки зрения королевского пикинера, готовящегося к штурму и уже ощущающего в брюхе щекотку от сена, коим после смерти набивали людей, чтобы те не испортились во время долгой дороги назад, в родное село. Я мог бы даже начать эту историю с монаха, который, когда пали стены, похоронил полусгоревшие трупы погибших, не ведая даже, кто из них был анатозийцем, а кто — вастилийцем.

На выборе героя, словно на гвозде, повисает вся тяжесть повествования. Поэтому ничего удивительного, что мне непросто решить, с кого начать мой рассказ, — и, конечно, речь тут не об осаде Серивы, поскольку нынче она — история лишь для досужих корчмарей, а не для человека, любящего интересные книги. Не говоря

уж о том, что во времена, когда начинается мой рассказ, Серива вот уже четыреста лет пребывала в руках вастилийцев; имя же ее приняла свободная конфедерация городов, что некогда стояли на землях Вастилии.

Если уж говорить о моем повествовании, то есть три персоны, подходящие, чтобы его начать, поэтому я вкратце упомяну о том, в каком положении находилась каждая из оных утром двадцать второго дня месяца жатвы, когда все и началось. Первой из этих персон был лысеющий ученый муж, известный в Сериве под прозвищем Эль Хольбранвер, поскольку именно из того болотистого края на Севере он и происходил, из-за чего с трудом разговаривал на серивском языке. Сей любитель ранних прогулок, аскет, одаренный, увы, полным телом сибарита, лишившийся в молодости на поединке кончика носа, на рассвете двадцать второго дня месяца жатвы, когда все и началось, был уже на ногах. Стараясь не разбудить дочку, что спала в той же комнате, он отодвинул от стены секретер темного дерева. Взгляду его открылась сверкающая точка — наполненная первыми лучами солнца дыра, которую он провертел в прощлый полдень втайне от владельца дома.

Хольбранвер выглянул сквозь отверстие на солнечный диск, значительно более яркий в Сериве, чем в его родных краях. Отступил, ослепленный, а потом приложил к отверстию стеклышко, на котором виднелся темный рисунок, увековеченный там с помощью комбинации серебра, магния и нескольких кислот.

Свет прошел сквозь стекло, создавая на противоположной стене большую картину. Хольбранвер долго смотрел на нее. С каждым мигом и каждым толчком крови в висках он все сильнее чувствовал, что совершил величайшее открытие в своей жизни. А был это человек, который сумел рассчитать, как далеко от

поверхности Земли находится Солнце и сколько теряет человеческое тело в весе в момент смерти.

Второй из персон, оказавшихся важными для всего повествования, был Эльхандро Камина, печатник из маленькой типографии поблизости Переулка Криков. Камина владел одной из первых в Сериве печатных машин и умело ее использовал, издавая перепечатки классических произведений, дешевые романы, продаваемые без обложек, а также томики дворцовой поэзии. Он как раз сидел за бюро, все еще при масляной лампе, хотя в окно уже заглядывал свет дня. Размашистыми движениями он писал в толстой рукописи, оставляя бесконечную череду знаков, которые сам же и придумал: пометок, сносок, переносов. В комнате внизу его помощник выкладывал из наборного шрифта первую страницу, внимательно складывая текст в его зеркальном отображении, всякому слову посвящая больше времени и внимания, чем позволяло себе нервное, поспешное перо автора, — а тот писал так, будто полагал, что в рабочие комнаты его в любой момент ворвутся инквизиторы. Терпения у помощника было даже побольше, чем у самого Камини, который, наконец, несколько раз отчеркнул название, словно в поисках необходимых слов, а потом вывел на шершавой бумаге последнюю версию: «Дневники анонимного дипломата, писанные во времена двадцатилетней войны, или Как Серива союзникам позорный мир навязала. Том первый из двух».

Помощник как раз вкладывал заглавную «Д», когда наверху Эльхандро заколебался, читая одну из последних страниц. На миг он даже позабыл, что держит в руках перо; на кончике оно собралась капля чернил, все сильнее стремившаяся вниз. Он поправил очки с толстыми стеклами, потер седую щетину, покрывавшую худой подбородок, а потом перечитал текст снова.

Задумывался не над словами, которые уже видывал не раз, но над тем, какие те будут иметь последствия — что случится, когда прочтут их обитатели Серивы. Некоторое время он раздумывал, не остановить ли станок. Он еще мог отказаться, издать вместо этого трактат о дворцовых танцах, переведенный с флорентинского, уже какое-то время ожидавший своей очереди. Однако чувствовал он изрядное искушение переступить черту, сделать нечто смелое. Встряхнуть старый порядок: мир толстых грандов, пускающих ветры в шелковые штаны.

В тот миг решалась судьба многих людей, поскольку именно такова суть истории, формирующей государства, — вся она собирается в миге, когда некто решает сделать шаг, который до той поры казался слишком опасным.

Оставим же Эльхандро Камину с его непростым решением, поскольку пришла пора представить третье действующее лицо, а им был сам Арахон Каранза Мартинез И'Грената И'Барратора. Он не совершал открытий и не сидел над опасными манускриптами.

И'Барратора просто-напросто спал.

Это не слишком-то интересное вступление, особенно если сравнивать с двумя первыми. И все же об ученых или печатниках не рассказывают славных историй, самое большее — всякие анекдоты, как тот, об Альрестеле, который открыл, что просмоленное куриное яйцо после погружения его в воду начинает сверкать, словно серебро, а после продал оное жадному Лертесу. Но это хороший материал для веселого разговора в таверне, а не для толстой книжищи в двух томах.

А потому самым главным персонажем в этой истории станет именно И'Барратора.

КНИГА СВЕТА

I

Пробудил его запах крови.

Минуту-другую он витал мыслями между липким и теплым сном и резкой вонью. Запах принадлежал к числу тех, что рождают в человеке первобытный ужас, разрастающийся, словно холодный шар, где-то над желудком, однако И'Барратора не сумел найти в себе достаточно сил, чтобы поднять веки.

Миазмы крови становились все отчетливей. И'Барратора хотел спать, но ноздри его уже очнулись и не позволяли позабыть, что с ним что-то не в порядке.

За окном Серива пробуждалась к жизни после очередной длинной и бурной ночи. Ревел вол, стучали колеса повозок, съезжающих крутой мощеной улочкой в сторону Треснувшего Купола, а женщина с визгливым голосом продавала капусту. Именно ее крики, пожалуй, врывающиеся в голову ритмичным: «Капуста! Капуста из Мерпелюции! Свежая капуста!» — окончательно вырвали кавалера из сна.

И'Барратора застонал. Перекатился на край кровати и опустил ноги на пол, охнув от боли. Казалось, что

нет на его теле места, которое не было бы побито или изранено.

Кровь. Вышитый кафтан весь пропитался ею. Брётёр провел ладонью по материалу, ощущая шершавую фактуру засохших потеков. Искал рану, но через миг вспомнил, что кровь эта была не его.

В его все еще затуманенное сознание вернулась картина искривленного болью лица, однако он затолкал эту картину во тьму. Долго сидел на краю постели, чувствуя запах крови, заполнявший ноздри, сосредоточившись изо всех сил на том, чтобы ничего не вспомнить, ни о чем не думать, чтобы в голове его царил лишь спокойный шум. И чтобы его не стошнило.

Всматривался он в тень на полу, и ему показалось, словно тень качнула с издевкой головою.

Наконец И'Барратора встал. Шагнул по скрипящим доскам, покачиваясь, словно слепец.

Рядом с постелью стояли высокие сапоги, а подле них, словнодохлый пес, лежал свернутый плащ. Рапира была прислонена к стене. И'Барратора прошагал мимо, неуверенно направляясь к большому дубовому сундуку. Крышка его стукнула, и кавалер извлек глиняный кувшин. Дрожащими пальцами он сковырнул восковую затычку и, не очистив даже до конца горлышко, приложил кувшин к губам. Потом пил, пил и пил, не обращая внимания на то, что кусочки воска стекают ему в глотку вместе с тяжелым сладковатым вином, пил, а кадык его ходил вверх-вниз, словно рычаг большой помпы.

Он знал: единственный способ отогнать лицо, которое снова начало возникать у него перед глазами, — утопить его в вине.

Рассудок, однако, не позволил ему осушить кувшин до дна, а врывающийся сквозь ажурную решетку свет напомнил, что ему еще есть что сделать. Надобно было дописать эпилог к своему ночному приключению.

Он поставил емкость на стол и вытащил из сундука несколько потертый на локтях верхний дублет из темно-синего бархата. Это была одежда дневная, которую он носил всегда, когда проводывал кого-то из своих патронов или когда шел в таверну. Одежду ночную, слишком окровавленную, чтобы надевать ее снова, он свернул в вонючий узелок, обернул плащом и сунул себе под мышку.

Съел еще немного сухого хлеба, обмыл лицо и руки в деревянной миске, а потом погрузил в нее голову, чтобы смыть со своих черных, до плеч, волос песок, грязь и кровь. Побриться у него уже не хватило сил. Потом он покружил минутку по комнате, пока шум на улице нарастал, напоминая, что вскоре наступит полдень. Поэтому Арахон прицепил к поясу длинную дагу с обломанной гардой и потянулся за рапирой.

Рукоять в почерневших ремнях была холодной и скользкой, вытертой, словно лука старого седла. Мужчина некоторое время водил по ней пальцами. Из многих предметов, которые он любил чувствовать под рукою, это ощущение было, пожалуй, самым приятным. Сразу после шершавых полотняных оправ томиков из печатни Эльхандро Камины.

Узкие ступени свели Арахона во двор, где он сложил воняющий кровью узел под дверьми вдовы Родрихи.

Была она некогда третьей женою богатого мещанина, певицей, любовницей одного из грандов. Но под старость, после многих жизненных перипетий, остались ей

лишь две вещи: клонящийся набок деревянный дом на улице Аламинхо, в котором И'Барратора снимал комнату на втором этаже, а еще огромная бородавка на щеке, на которую Арахон старался никогда не смотреть.

К счастью, ее врожденный прагматизм способствовал тому, что Родриха вовсе не умирала от голода. Ухватилась она за профессию, быть может, и не слишком славную, но зато оплачиваемую — торговала одеждой умерших.

Ее племянник служил в городской гвардии. Всякий раз, когда под утро находили в канавах или в реке очередное безымянное тело, оно на два дня попадало в подвалы гарнизона. Если за это время никто не обращался за покойником, Родриха прибывала ночью, раздевала тело, мыла его, завертывала в белое покрывало. На следующий день труп, нисколько не стыдясь, что его наготу покрывает лишь кусок тонкой материи, отправляли в общую могилу на взгорье Лунахиар. Вдова Родриха, в свою очередь, забирала его одежду на реку, где долго терла ее золою и серым мылом, оттирая с нее засохшую кровь, смывала вонь смерти и нечистот, в то время как огромная ее бородавка подергивалась вверх-вниз.

Ночами Родриха шила при сальной свечке, скрывая следы от уколов шпаг или дырки от пороховых пистолетов и тенестрелов. Лучшие вещи она продавала купцам и простым людям, которые порой проводывали ее дом, а самые бедные и потрепанные относила в храм, чтобы просить прощения у богов. Ведь она все время боялась, что однажды кто-то из покойников вскочит и схватит ее за руку, когда она начнет стаскивать с него одежды.

На улицах и в закоулках Серивы всякую ночь гибло несколько человек, и никто кроме вдовы не занимался